

Валерий Брюсов

Е. А. Баратынский

Валерий Яковлевич Брюсов

Е. А. Баратынский

«Баратынский, Евгений Абрамович, даровитый поэт. Родился 19 февраля 1800 года, в селе Вежле (Тамбовской губернии, Кирсановского уезда), и был сыном генерал-адъютанта Абрама Андреевича Б. и фрейлины Александры Федоровны, урожденной Черепановой. В детстве у Б. дядькой был итальянец Боргезе, и мальчик рано ознакомился с итальянским языком; вполне овладел он также французским, принятым в доме Баратынских, и лет восьми уже писал по-французски письма. В 1808 году Б. отвезли в Петербург и отдали в частный немецкий пансион, где он выучился немецкому языку. В 1810 году умер отец Б., и его воспитанием занялась его мать, женщина образованная и умная...»

**Валерий Брюсов
Е. А. Баратынский**

Баратынский, Евгений Абрамович, даровитый поэт. Родился 19 февраля 1800 года, в селе Вежле (Тамбовской губернии, Кирсановского уезда), и был сыном генерал-адъютанта Абрама Андреевича Б. и фрейлины Александры Федоровны, урожденной Черепановой. В детстве у Б. дядькой был итальянец Боргезе, и мальчик рано ознакомился с итальянским языком; вполне овладел он также французским, принятым в доме Баратынских, и лет восьми уже писал по-французски письма. В 1808 году Б. отвезли в Петербург и отдали в частный немецкий пансион, где он выучился немецкому языку. В 1810 году умер отец Б., и его воспитанием занялась его мать, женщина образованная и умная. Из немецкого пансиона Б. перешел в пажецкий корпус, но пробыл там недолго. Сблизившись с некоторыми товарищами, Б. участвовал в серьезных шалостях, из которых одна, граничившая с преступлением (кража), повела к исключению его из корпуса, с воспрещением поступать на какую бы то ни было государственную службу, кроме военной – рядовым. Это происшествие сильно подействовало

на юношу, которому было тогда лет 15; он признавался позднее, что в ту пору «сто раз был готов лишиться себя жизни». Бесспорно, позор, пережитый поэтом, оказал влияние на выработку пессимистического его мирозерцания. Но было бы ошибкой придавать случайному событию слишком большое значение в духовной жизни Б. Из его детских и юношеских писем видно, что он духовно созрел очень рано и с первых лет сознательной жизни уже был склонен смотреть на весь мир сквозь мрачное стекло. 8-летним ребенком, из пансиона, он писал матери о своих школьных товарищах: «Я надеялся найти дружбу, но нашел только холодную и аффектированную вежливость, дружбу небескорыстную: все были моими друзьями, когда у меня было яблоко или что-нибудь иное». 11 лет он писал: «Не лучше ли быть счастливым невеждою, чем несчастным мудрецом? Отказываясь от того, что есть в науках хорошего, не избавляемся ли мы и от утонченных пороков?» Утешая мать, после смерти бабушки, Б. в 1814 году рассудительно замечал: «Я понимаю вашу скорбь, но подумайте, дорогая мамаша,

что это – закон природы. Мы все родимся затем, чтобы умереть, и, на несколько часов раньше или позже, всем придется покинуть тот ничтожный атом грезы, что называется землей!» Из пажеского корпуса, еще до обнаружения печальной истории, он писал матери: «Существует ли такое прибежище в мире, кроме пределов океана, где жизнь человеческая не была бы подвержена тысячам несчастий, где смерть не похищала бы сына у матери, отца, сестру? Повсюду самое слабое веяние может разрушить тот бранный состав, что мы называем нашим существованием». Конечно, все эти рассуждения были почерпнуты Б. из книг, так как он читал охотно и много, но характерно, что именно такие мысли привлекали внимание мальчика и юноши. В те же годы юный Пушкин, на лицейской скамье, зачитывался Анакреонтом и легкомысленными французскими поэтами XVIII века. Покинув пажеский корпус, Б. несколько лет жил частью с матерью в Тамбовской губернии, частью у дяди, брата отца, адмирала Богдана Андреевича Б., в Смоленской губернии, в сельце Подвойском. Из шко-

лы Б. вынес некоторое знание математики, к которой у него были большие способности и которой он не переставал интересоваться до последних лет жизни. Живя в деревне, Б. начал писать стихи. Раньше, подобно многим другим людям того времени, он охотно писал французские куплеты, не придавая тому никакого значения. От 1817 года до нас дошли уже русские стихи Б., впрочем весьма слабые. Но уже в 1819 году Б. вполне овладел техникой, и его стих стал приобретать то «необщее выражение», которое впоследствии он сам признавал главным достоинством своей поэзии. В деревне дяди Б. нашел небольшое общество молодежи, которая старалась жить весело, и он был увлечен в ее забавы. «Мы здесь проводим время приятно, все поют, смеются», – писал он матери. Но это не мешало ему добавлять: «О счастии много спорим, но эти споры напоминают споры нищих, рассуждающих о философском камне», и вновь говорит о «мраке, нашем общем отце». В 1819 году Б., по совету родных, поступил рядовым в гвардейский Егерский полк в Петербурге. В это время интерес Б. к литературе настоль-

ко определился, что он стал искать знакомства с писателями. Он показал свои стихи Дельвигу, которого они заинтересовали, и который познакомил его с Жуковским, Плетневым, Кюхельбекером и Пушкиным. Влиянию Дельвига надо приписать, что Б. серьезнее стал относиться к своей поэзии и в «служении Музам» увидел новую для себя цель жизни. «Ты дух мой оживил надеждою возвышенной и новой», – писал он позднее Дельвигу. В 1819 году, благодаря содействию Дельвига, стихи Б. появились впервые и в печати. В следующем, 1820 году, Б. был произведен в унтер-офицеры и переведен в Нейшлотский полк, расположенный в Финляндии, в укреплении Кюмени и его окрестностях. Пятилетнее пребывание в Финляндии оставило глубочайшие впечатления в Б. и ярко отразилось на его поэзии. Впечатлениям от «сурового края» обязан он несколькими лучшими своими лирическими стихотворениями («Финляндия», «Водопад») и прекрасной поэмой «Эда». Первоначально Б. вел в Финляндии жизнь очень уединенную, «тихую, спокойную, размеренную». Все общество его ограничивалось

двумя-тремя офицерами, которых он встречал у полкового командира, полковника Лутковского, старинного друга семьи Б. и их соседа по имени, который принял к себе в дом юного унтер-офицера. Впоследствии он сблизился с Н.В. Путятой и А.И. Мухановым, адъютантами финляндского генерал-губернатора, А.А. Закревского. Дружба его с Путятой сохранилась на всю их жизнь. Путята описал внешний облик Б., каким он его увидел в первый раз: «Он был худощав, бледен, и черты его выражали глубокое уныние». Осенью 1824 года, благодаря ходатайству Путяты, Б. получил разрешение приехать в Гельсингфорс и состоять при корпусном штабе генерала Закревского. В Гельсингфорсе Б. ожидала жизнь шумная и беспокойная. К этому периоду его жизни относится начало его увлечения А.Ф. Закревской (женой генерала А.А. Закревского), той самой, которую Пушкин назвал «беззаконной кометой в кругу расчисленном светил», и к которой редко кто приближался без того, чтобы поддаться очарованию ее своеобразной личности. Эта любовь принесла Б. немало мучительных переживаний, от-

развившихся в таких его стихотворениях, как «Мне с упоением заметным», «Фея», «Нет, обманула вас молва», «Оправдание», «Мы пьем в любви отраву сладкую», «Я безрассуден, и не диво», «Как много ты в немного дней». Впрочем, у Б. страсть всегда уживалась с холодной рассудительностью, и не случайно он одинаково любил математику и поэзию. В одном стихотворении (правда, заимствованном у Парни) он, например, дает совет: «Близ любезной укротим желаний пылких нетерпенье», потому что «мы ими счастию вредим и сокращаем наслажденье». А в письме к Путяте Б. пишет прямо: «Спешу к ней. Ты будешь подозревать, что я несколько увлечен: несколько, правда; но я надеюсь, что первые часы уединения возвратят мне рассудок. Напишу несколько элегий и засну спокойно». Надо, однако, добавить, что сам Б. тут же писал: «Какой несчастный плод преждевременной опытности – сердце, жадное страсти, но уже неспособное предаваться одной постоянной страсти и теряющееся в толпе беспредельных желаний! Таково положение М. и мое». Из Гельсингфорса Б. должен был вер-

нуться к полку в Кюмень и туда, весной 1825 года, Путята привез ему приказ о производстве его в офицеры. По словам Путяты, это Б. «очень обрадовало и оживило». Вскоре после того Нейшлотский полк был назначен в Петербург держать караулы. В Петербурге Б. возобновил свои литературные знакомства. Осенью того же года Б. возвратился с полком в Кюмень, ездил ненадолго в Гельсингфорс, затем вышел в отставку и переехал в Москву. «Судьбой наложенные цепи упали с рук моих», писал он по этому поводу. В Москве, 9 июня 1826 года, Б. женился на Настасье Львовне Энгельгард; тогда же он поступил на службу в Межевую канцелярию, но скоро вышел в отставку. Еще до женитьбы из Москвы Б. писал Путяте: «В Финляндии я пережил все, что было живого в моем сердце. Ее живописные, хотя угрюмые горы походили на прежнюю судьбу мою, также угрюмую, но, по крайней мере, довольно обильную в отличительных красках. Судьба, которую я предвижу, будет подобна русским однообразным равнинам...» В значительной степени Б. оказался прав, и его жизнь, после 1826 года, ста-

новится однообразной. Его жена не была красива, но отличалась умом ярким и тонким вкусом. Ее непокойный характер причинял много страданий самому Б. и повлиял на то, что многие его друзья от него отделились. В мирной семейной жизни постепенно сгладились в Б. все, что было в нем буйного, мятежного; он признавал сам: «Весельчакам я запер дверь, я пресыщен их буйным счастьем, и заменил его теперь пристойным, тихим сладострастьем». Только из немногих стихотворных признаний Б. мы узнаем, что не всегда он мог всей силой своего разума победить свои страсти. По стихотворениям 1835 года мы видим, что в эту пору он пережил какую-то новую любовь, которую называет «омрачением души болезненной своей». Иногда он пытается убедить себя, что остался прежним, восклицая: «Свой бокал я наливаю, наливаю, как наливал!» Замечательно, наконец, стихотворение «Бокал», в котором Б. рассказывает о тех «оргиях», которые он устраивал наедине с самим собой, когда вино вновь будило в нем «откровенья преисподней». Внешняя его жизнь проходила без видимых

потрясений. Он жил то в Москве, то в своем имении, в сельце Муранове (неподалеку от Талиц, близ Троицко-Сергиевской лавры), то в Казани, много занимался хозяйством, ездил иногда в Петербург, где в 1839 году познакомился с Лермонтовым, в обществе был ценным как интересный и иногда блестящий собеседник и в тиши работал над своими стихами, придя окончательно к убеждению, что «в свете нет ничего дельнее поэзии». Проводя много времени в Москве, Б. сошелся здесь с кружком московских писателей, с И.В. Киреевским, Языковым, Хомяковым, Соболевским, Павловым. Известность Б., как поэта, началась после издания, в 1826 году, его поэм «Эда» и «Пиры» (одной книжкой, с любопытным предисловием автора) и, в 1827 году, первого собрания лирических стихотворений. В 1828 году появилась поэма «Бал» (вместе с «Графом Нулиным» Пушкина), в 1831 году – «Наложница» («Цыганка»), в 1835 году – второе издание мелких стихотворений (в двух частях), с портретом. Современная критика отнеслась к стихам Б. довольно поверхностно, и литературные неприятели кружка Пушки-

на (журнал «Благонамеренный» и другие) довольно усердно нападали на его будто бы преувеличенный «романтизм». Но авторитет самого Пушкина, высоко ценившего дарование Б., был все же так высок, что, несмотря на эти голоса критиков, Б. был общим молчаливым согласием признан одним из лучших поэтов своего времени и стал желанным вкладчиком всех лучших журналов и альманахов. Но Б. писал мало, долго работая над своими стихами и часто коренным образом переделывая уже напечатанные. Будучи истинным поэтом, он вовсе не был литератором; для того, чтобы писать что-либо, кроме стихов, ему нужна была внешняя причина. Так, например, по дружбе к юному А.Н. Муравьеву, он написал прекрасный разбор сборника его стихов «Таврида», доказав, что мог бы стать интереснейшим критиком. Затронутый критикой своей поэмы «Наложница», он написал «антикритику», несколько сухую, но в которой есть весьма замечательные мысли о поэзии и искусстве вообще. Когда, в 1831 году, И. В. Киреевский, с которым Б. сошелся близко, предпринял издание «Европейца», Б. стал пи-

сать для него прозой, написав, между прочим, рассказ «Перстень» и готовясь вести в нем полемичку с журналами. Когда «Европеец» был запрещен, Б. писал Киреевскому: «Я вместе с тобой лишился сильного побуждения к трудам словесным». Люди, лично знавшие Б., говорят согласно, что его стихи далеко не вполне «высказывают тот мир изящного, который он носил в глубине души своей». «Излив свою душевную мысль в дружеском разговоре, живом, разнообразном, невероятно-увлекательном, исполненном счастливых слов и многозначительных мыслей... Б. часто довольствовался живым сочувствием своего близкого круга, менее заботясь о возможно-далеких читателях». Так, в сохранившихся письмах Б. рассыпано немало острых критических замечаний о современных ему писателях, – отзывов, которые он никогда не пытался сделать достоянием печати. Очень любопытны, между прочим, замечания Б. о различных произведениях Пушкина, к которому он, когда писал с полной откровенностью, далеко не всегда относился справедливо. Б., конечно, сознавал величие Пушкина, в пись-

ме к нему лично льстиво предлагал ему «возвести русскую поэзию на ту степень между поэзиями всех народов, на которую Петр Великий возвел Россию между державами», но никогда не упускал случая отметить то, что почитал у Пушкина слабым и несовершенным (см., например, отзывы Б. о «Евгении Онегине» и пушкинских сказках в письмах к Киреевскому). Позднейшая критика прямо обвиняла Б. в зависти к Пушкину и высказывала предположение, что Сальери Пушкина списан с Б. Есть основание думать, что в стихотворении «Осень» Б. имел в виду Пушкина, когда говорил о «буйственно несущемся урагане», которому все в природе откликается, сравнивая с ним «глас, пошлый глас, вещатель общих дум», и в противоположность этому «вещателю общих дум» указывал, что «не найдет отзыва тот глагол, что страстное земное перешел». Известие о смерти Пушкина застало Б. в Москве именно в те дни, когда он работал над «Осенью». Б. бросил стихотворение, и оно осталось недовершенным. В 1842 году Б., в то время уже «звезда разрозненной плеяды», издал тоненький сборник

своих новых стихов: «Сумерки», посвященный князю П.А. Вяземскому. Это издание доставило Б. немало огорчений. Его обидел вообще тон критиков этой книжки, но особенно статья Белинского. Белинскому показалось, что Б. в своих стихах восстал против науки, против просвещения. Конечно, то было недо-разумение. Так, например, в стихотворении: «Пока человек естества не пытал» Б. только развивал мысль своего юношеского письма: «Не лучше ли быть счастливым невеждою, чем несчастным мудрецом». В поэме «Последний поэт» он протестовал против того материалистического направления, какое начинало определяться тогда (конец 30-х и начало 40-х годов) в европейском обществе, и будущее развитие которого Б. прозорливо угадал. Он протестовал против исключительного стремления к «насущному и полезному», а никак не против познания вообще, интересы которого именно Б. были всегда близки и дороги. Б. не стал возражать на критику Белинского, но памятником его настроения той поры осталось замечательное стихотворение «На посев леса». Б. говорит в нем, что он «ле-

тел душой к новым племенам» (т. е. к молодым поколениям), что он «всех чувств благих подавал им голос», но не получил от них ответа. Едва ли не прямо Белинского имеют в виду слова, что тот, «кого измял души моей порыв, тот вызвать мог меня на бой кровавый» (т. е. тот мог стремиться опровергнуть именно мои, Б., идеи, не подменяя их мнимой враждой к науке); но, по мнению Б., этот противник предпочел «изрыть под ним сокрытый ров» (т. е. бороться с ним несправедливыми путями). Б. даже заканчивает стихи угрозой вовсе после того отказаться от поэзии. «Отвергнул струны я», – говорит он. Но такие обеты, если и даются поэтами, не исполняются ими никогда. Осенью 1843 года Б. осуществил свое давнее желание – предпринял путешествие за границу. Зимние месяцы 1843 – 44 годов он провел в Париже, где познакомился со многими французскими писателями (А. де Виньи, Мериме, оба Тьерри, М. Шевалье, Ламартин, Ш. Нодье и другими). Чтобы познакомиться с французской поэзией, Б. перевел несколько своих стихотворений на французский язык. Весной 1844 года Б. отправился

через Марсель морем в Неаполь. Перед отъездом из Парижа Б. чувствовал себя нездоровым, и врачи предостерегали его от влияния знойного климата южной Италии. Едва Баратынские прибыли в Неаполь, как с Н. Л. Баратынской сделался один из тех болезненных припадков (вероятно, нервных), которые причиняли столько беспокойства ее мужу и всем окружающим. Это так подействовало на Б., что у него внезапно усилились головные боли, которыми он часто страдал, и на другой день, 29 июня (11 июля) 1844 года, он скоропостижно скончался. Тело его перевезено в Петербург и погребено в Александро-Невском монастыре, на Лазаревском кладбище. – Особенности поэзии Б. всего лучше определил Пушкин, сказав: **«Он у нас оригинален – ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко».** «Поэзия мысли» – вот, действительно, самое общее определение, которое можно дать поэзии Б. Сам он даже считал это свойство отличительной чертой поэзии вообще, жалуясь: «Все мысль да мысль, художник

бедный слова!» В своих ранних стихах Б. развивает то пессимистическое мирозерцание, которое сложилось у него с детских лет. Его основное положение, что «в сей жизни» нельзя найти «блаженство прямое»: «Небесные боги не делятся им с земными детьми Прометея». Согласно с этим в жизни Б. видит две доли: «или надежду и волненье (т. е. мучительные беспокойства), иль безнадежность и покой» (успокоение). Поэтому Истина предлагает ему научить его, страстного, «отрадному бесстрастью». Поэтому же он пишет гимн смерти, называет ее также «отрадной», признает бесчувствие мертвых «блаженным» и прославляет, наконец, «Последнюю смерть», которая успокоит все бытие. Развивая эти идеи, Б. постепенно пришел к выводу о равноценности всех проявлений земной жизни. Ему начинает казаться, что не только «и веселью и печали» дали боги «одинакие крыле» (двойственное число = крылья), но что равноправны добро и зло. Последнее выражено им в стихотворении «Благословен святое возвестивший», где этому возвестителю святого противопоставляется «какой-нибудь

неправедный» (т. е. человек), обнажающий перед нами изгиб сердец людских, ибо «две области, сияния и тьмы, исследовать равно стремимся мы». Эти мысли выражены в стихах второго периода деятельности Б. и в его замечательных поэмах. Характерно, что герои поэм Б. – почти исключительно люди «падшие»; такова «добренькая Эда», отдавшаяся соблазнителью-офицеру; такова Нина («Бал»), переходившая от одного любовника к другому; таков Елецкий («Цыганка»), составивший себе «несчастный кодекс развратных, своевольных правил», и особенно его подруга «наложница»-цыганка. Найти искры живой души в падших, показать, что они способны на благородные чувства, сделать их привлекательными для читателя, – такова задача, которую ставил себе Б. в своих поэмах. Последний период деятельности Б. характеризуется его обращением к религии. Еще в одном из ранних стихотворений, в полном согласии со своим мировоззрением, он восклицал: «О человек! уверься, наконец, не для тебя ни мудрость, ни всезнанье!» Но если «всезнанье» недоступно, стоит ли искать «полу-зна-

нья»? Из этого вопроса возникает у Б. скептическое отношение к человеческим истинам; ему начинает казаться, что явления юдоленного мира уже «все ведомы», что вся человеческая мудрость может открыть лишь то, что давно заключено в «точном смысле народной поговорки». Такой круг идей привел Б. к «оправданию Промысла»; он учит, что в нашей жизни лишь тот «невредим», кто пятой оперся «на живую веру»; он пишет молитву, в которой молит Бога подать ему силы на его «строгий рай»; наконец, в одном из последних стихотворений, написанных во время переезда из Марселя в Неаполь, многозначительно замечает: «Много мятежных решил я вопросов, прежде чем руки марсельских матросов подняли якорь, надежды символ». Однако нам не пришлось узнать, чем разрешилось бы для Б. это «последнее вихревание» дум и чувств: неожиданная смерть не дала ему довершить полного развития его поэзии. Что касается формы стихов Б., то, при всем совершенстве отделки, она страдает искусственностью. Язык Б. не прост, он любит странные выражения, охотно упо-

требляет славянизмы и неологизмы в архаическом духе, так что о значении иных выражений Б. приходится догадываться («внутренней своей вовеки ты не передашь земному звуку», т. е. словами не расскажешь глубин души; поэт – «часть на пире неосязаемых властей», т. е. в мире мечты, и т. п.). Тон Б. почти всегда приподнят, иногда высокопарен. Особенно затруднение представляет то причудливое расположение слов, которое почему-то нравилось Б. (он писал, например: «Предрассудок – он обломок древней правды, храм упал, но руин его потомок языка не разгадал», т. е. – потомок не разгадал языка его руин). Наконец, затрудняет и та краткость, тот крайний лаконизм речи, к которому стремился Б. (он говорит, например, о небесах «беспредельных, скорби тесных»). Однако, если освоиться с этими особенностями поэзии Б., если внимательно вникнуть в склад его речи, открывается меткость его выражений, точность его эпитетов, энергия его сжатых фраз. У Б. мало стихотворений, пленяющих музыкой стиха; чтобы оценить его музу, надо его стихи не только почувствовать, но и понять; к его

поэзии применимо то, что князь П.А. Вяземский сказал о нем как о личности: «Нужно допрашивать, так сказать, буравить этот подспудный родник, чтобы добыть из него чистую и светлую струю». Кроме тех изданий, в которых стихи Б. появились при его жизни (эти издания указаны выше), его сочинения были изданы в 1869 году (Казань), 1883 (М.) и 1884 (Казань). Лучшие из изданий – 1869 и 1884 годов, так как в них собраны чрезвычайно важные варианты стихотворений Б. Некоторые стихотворения, не вошедшие в эти издания, перепечатаны в издании «Севера», в 1894 году (СПб.); несколько новых стихов, на основании рукописей, дано в издании 1900 года (Казань). Еще некоторые стихотворения и прозаические статьи, остававшиеся не перепечатанными в собраниях сочинений, даны мною в «Русском Архиве» 1900 года. В настоящее время в издании «Академической библиотеки» готовится новое издание сочинений Б., которое должно собрать все, им написанное.

О Баратынском см. заметки Пушкина, Плетнева, И. Киреевского, князя П.А. Вязем-

ского, Галахова («Отечественные Записки», 1844 год), Лонгинова, (библиография, «Русский Архив», 1864 год), С.А. Андреевского («Философские течения русской поэзии», СПб., 1896 год, и «Литературные Чтения»), Н. Котляревского, В. Брюсова («Русский Архив», 1901–1903 годов), С. Венгерова («Критико-биографический Словарь», т. II), Белинского (соч. под редакцией Венгерова, т. VII, примечания редактора, стр. 626–637).